

В кулуарах Таврического дворца в дни Февральской революции: по воспоминаниям чиновника канцелярии Государственной думы А. А. Кондратьева

С. М. Ляндрес

Для цитирования: Ляндрес С. М. В кулуарах Таврического дворца в дни Февральской революции: по воспоминаниям чиновника канцелярии Государственной думы А. А. Кондратьева // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1365–1383. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.418>

Предлагаемые вниманию читателей воспоминания многолетнего чиновника канцелярии Государственной думы Александра Алексеевича Кондратьева (1876–1967) о первых днях Февральской революции представляют собой редкое свидетельство хорошо информированного, но вместе с тем отстраненного от политических баталий внепартийного наблюдателя. Автор провел в Таврическом дворце все дни «великой и бескровной» начиная со второй половины дня 27 февраля 1917 г. и описал виденное и пережитое им в своих воспоминаниях. Передаваемые А. А. Кондратьевым картины и характеристики дополняют и корректируют сложившиеся в историографии представления о поведении и настроениях оказавшихся в водовороте революционных событий современников. Несомненный интерес представляет свидетельство мемуариста о присутствии в Таврическом дворце в первый же день революции его сослуживцев по думской канцелярии, особенно тех, которые, как и сам автор, пришли туда не в революционном порыве под влиянием охватившего столицу народного восстания, а по долгу службы. Именно оттуда, из кулуаров Таврического дворца, А. А. Кондратьеву довелось наблюдать за молниеносным взлетом (а вскоре и стремительным падением) цензовой, но тем не менее революционной Государственной думы, за распадом старого политического и общественного порядка. Некоторые из впечатлений А. А. Кондратьева нашли отражение в его письмах современникам. Большая часть из них, оформленная позже в цельное повествование, вошла в публикуемые воспоминания. Несмотря на однозначное неприятие революции и насилия, автору удалось сохранить взгляд стороннего наблюдателя. Он не ищет виновных только в левом лагере и не оправдывает более близких ему по взглядам и социально-культурной среде либеральных и умеренных думских политиков. Данные воспоминания не использовались ранее историками

Семен Ляндрес — PhD, проф., Университет Нотр-Дам, США, 46556-5602, Индиана, Нотр-Дам, Дисно Холл, 418; slyandre@nd.edu, slyandre@gmail.com

Samion Lyandres — PhD, Professor, University of Notre Dame, 418, Desio Hall, Notre Dame, Indiana, 46556-5602, USA; slyandre@nd.edu, slyandre@gmail.com

Исследование выполнено при поддержке Hanse-Wissenschaftskolleg (Institute for Advanced Study), Дельменхорст, Нижняя Саксония. Автор выражает глубокую признательность А. Б. Николаеву, Е. С. Гавроевой и П. А. Трибунскому за помощь в подготовке этой публикации.

Research and writing of this publication was generously supported by Hanse-Wissenschaftskolleg (Institute for Advanced Study), Delmenhorst, Lower Saxony. The author wishes to express his gratitude to A. B. Nikolaev, E. S. Gavroeva and P. A. Tribunskii for assistance and most helpful suggestions.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

русской революции и впервые вводятся в научный оборот. Они снабжены текстовым и смысловым комментарием, с учетом новейшей отечественной и зарубежной историографии Февральской революции.

Ключевые слова: А. А. Кондратьев, Февральская революция, Таврический дворец, канцелярия Государственной думы, М. В. Родзянко, Я. В. Глинка, Б. М. Витенбер.

In the Hallways of the Tauride Palace during the February Days of 1917: Memoirs of a Veteran Staffer of the Duma Chancellery A. A. Kondrat'ev

S. Lyandres

For citation: Lyandres S. In the Hallways of the Tauride Palace during the February Days of 1917: Memoirs of a Veteran Staffer of the Duma Chancellery A. A. Kondrat'ev. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 4, pp. 1365–1383. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.418> (In Russian)

This publication presents an autobiographical account of the *February Days* in Petrograd by a long-standing mid-level staffer of the Duma Chancellery, Aleksandr Alekseevich Kondrat'ev (1876–1967). The author spent the first days of the February Revolution inside the Tauride Palace and diligently recorded his impressions, some of which he also shared in letters to his contemporaries. Later, he systematized what he had remembered and turned it into a cohesive narrative published below. His reflections on the revolution's key moments offer a unique perspective of a well-informed insider who at the same time remains detached from party politics and allegiances. It is from inside the Tauride Palace, from its offices and hallways that the author witnessed the meteoric rise (and soon, the precipitous downfall) of the *propertied* but nevertheless *revolutionary* Fourth Duma, as well as the breakdown of the old political and social order. His testimony augments some of the established views on the attitudes and behavior of contemporaries caught up in the revolutionary whirlwind. Of special interest is the author's testimony about his fellow Duma Chancellery staffers who — unlike insurgents and Duma politicians who flocked into the *revolutionary headquarters* in the wake of the unprecedented popular uprising that engulfed the capital city — came to the Tauride Palace on 27 February to fulfill their bureaucratic duty, that is to ensure orderly functioning of the Duma apparatus. The text below is supplemented by textual and contextual annotations incorporating the most up-to-date scholarship.

Keywords: A. A. Kondrat'ev, February Revolution, Tauride Palace, Duma Chancellery, M. V. Rodzianko, Ia. V. Glinka, B. M. Vitenberg.

Предлагаемые вниманию читателей мемуарные заметки Александра Алексеевича Кондратьева (1876–1967), на протяжении многих лет служившего чиновником канцелярии Государственной думы, о первых днях Февральской революции представляют собой редкое свидетельство отстраненного от политических баталий внепартийного наблюдателя изнутри. Изнутри — потому что в отличие от других известных нам свидетелей в Таврический дворец А. А. Кондратьева привели 27 февраля 1917 г. не вспыхнувшее ранним утром солдатское восстание и не подписанный накануне царский приказ о перерыве думских занятий, а служебный долг — начинавшееся в 2 часа дня дежурство («сидение») в приемной Отдела общего собрания и общих дел канцелярии Думы¹. Добравшись до Таврического дворца

¹ Кондратьев А. Десять лет тому назад // Последние известия (Ревель). 1927. 29 марта. № 77. С. 2.

загодя, между часом и половиной второго дня, А. А. Кондратьев оставался в Думе до позднего вечера, а затем приходил туда «исправно по-чиновничьи» все последующие дни, не пропустив, как он писал старому знакомому в марте 1917 г., «ни одного дня» Февральской революции². Именно оттуда ему довелось наблюдать за молниеносным взлетом (а вскоре и стремительным падением) последней Государственной думы, за распадом старого политического и общественного порядка. Некоторыми из накопленных им в те дни впечатлениями А. А. Кондратьев поделился по свежим следам в письмах современникам³. Другие впечатления запали ему в память и нашли отражение в воспроизводимых ниже воспоминаниях и отчасти в переписке с бывшими соотечественниками уже в эмиграции⁴.

Невзирая на однозначное неприятие революции, А. А. Кондратьеву тем не менее удалось сохранить взгляд стороннего наблюдателя. Он не ищет виновных и не назначает героев. Глубоко переживая случившееся, с досадой и грустной иронией, но, пожалуй, одинаково неодобрительно он пишет как о более доступных его сознанию умеренных думских политиках, так и о глубоко чуждых ему левых и революционной толпе. В итоге созданные Кондратьевым картины и характеристики могут в равной мере использоваться и адептами стихийно-советской интерпретации «великой и бескровной», и относительно немногочисленными приверженцами «думской революции»⁵.

Несомненный интерес представляет и свидетельство мемуариста о присутствии в Таврическом дворце в первые дни революции его сослуживцев по думской канцелярии, пришедших туда, как и сам автор, для несения службы. Тем самым мемуарист обращает наше внимание на практически неизученный вопрос об отношении к своим обязанностям и отчасти настроениях служилой (и, как правило, политически пассивной) столичной интеллигенции в первые дни Февральской революции — группы несомненно важной и многочисленной, но совершенно затерявшейся в водовороте последующих событий⁶.

² Письма А. А. Кондратьева к В. Я. Брюсову / сост. Н. А. Богомолов, А. Л. Соболев // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 213–214.

³ См., например, его письма В. Я. Брюсову (Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 208–210, 213, 214) и Б. А. Садовскому (*Кондратьев А. А. Письма Б. А. Садовскому* / публ., подгот. текста С. В. Шумихина; предисл. и примеч. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина // *De Visu: ежемесячный историко-литературный и библиографический журнал*. 1994. № 1/2. С. 22–25 (декабрь 1914 — июнь 1917 г.); *Лавров А. В. Автобиографии А. А. Кондратьева* // Лавров А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 548).

⁴ См., например, письма А. А. Кондратьева И. В. Амфитеатровой от 20 февраля 1938 г. и 11 января 1939 г. (*Кондратьев А. Письма Амфитеатровым* / публ. и подгот. текста В. Крейда // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1991. Кн. 182. С. 124, 128, 129; *Струве Г. Александр Кондратьев по неизданным письмам* // *Annali. Sezione Slava. T. XII. Napoli, 1969. С. 28, 29.*

⁵ Подробнее о сторонниках обеих интерпретаций см.: *Lyandres S., Nikolaev A. B.*: 1) *Post-Soviet Russian Historiography of the February Revolution* // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2016. Vol. 9. P. 106–132; 2) *Contemporary Russian Scholarship on the February Revolution in Petrograd: Some Centenary Observations* // *Revolutionary Russia: The Journal of the Study Group on the Russian Revolution*. 2017. Vol. 30, no. 2. P. 158–181.

⁶ Единственным известным нам исключением, помимо специальных справочников, является до сих пор не опубликованный очерк Б. М. Витенберга «Думская служба». Собранные автором материалы были частично им использованы в предисловии к изданию дневника фактического главы думской канцелярии Я. В. Глинки (*Витенберг Б. М. Я. В. Глинка и его дневник* // *Глинка Я. В. Одинадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания*. М., 2001. С. 27–29).

Но если думский чиновник А. А. Кондратьев до сих пор практически не привлекал внимания историков Февральской революции, то *поэт и прозаик* А. А. Кондратьев давно и хорошо известен исследователям Серебряного века русской литературы, в первую очередь, своими ярко выраженными «тематическими пристрастиями» к античной и древневосточной мифологии и демонологии и в качестве многолетнего секретаря (в 1910-х гг.) известного петербургского поэтического кружка «Вечера К. К. Случевского»⁷.

Юрист по образованию, но писатель по призванию, А. А. Кондратьев поступил на службу в канцелярию (Отдел общего собрания и общих дел) Думы осенью 1908 г.⁸ и прослужил там до ее расформирования в декабре 1917 г. В октябре — декабре 1917 г. он вместе с группой сослуживцев был привлечен Временным правительством к работе во вновь образованной канцелярии Учредительного собрания и числился там вплоть до первых чисел января 1918 г.⁹ Затем, в январе же, он, как надлежит исполнительному чиновнику, «с разрешения начальства», уехал из Петрограда в Крым к проживавшей там семье. Спустя некоторое время, в 1919 г., Кондратьевы перебрались на Волынь, в небольшое имение тещи Александра Алексеевича в 25 верстах от Ровно (с 1920 г. на территории Польши). Здесь, на хуторе, он прожил последующие двадцать лет и здесь же, судя по всему, написал публикуемые ниже воспоминания¹⁰.

⁷ *Тименчик Р. Д.* Предисловие [Письма А. А. Кондратьева к Блоку (1903–1912)] // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980. С. 552 (Литературное наследство; т. 92, кн. 1). — Наиболее подробная и выверенная литературная биография А. А. Кондратьева приводится в статье Р. Д. Тименчика в справочном издании: Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь: в 7 т. / гл. ред. П. А. Николаев. Т. 3. М., 1994. С. 47–48. См. также: *Струве Г.* Александр Кондратьев по неизданным письмам. С. 3–8; *Кондратьев А.* Письма Амфитеатровым / публ. и подгот. текста В. Крейда // Новый журнал. 1990. Кн. 181. С. 139–141; *Топоров В. Н.* Неомифологизм в русской литературе начала XX века. Роман А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Trento, 1990 (Eurasistica; t. 16); Русская литература конца XIX — начала XX века: библиографический указатель: в 2 т. / отв. ред. Е. В. Глухова. Т. 1. М., 2010. С. 754–758 (библиография А. А. Кондратьева); *Лавров А. В.* Автобиографии А. А. Кондратьева. С. 536–550.

⁸ А. А. Кондратьев поступил на службу по рекомендации государственного секретаря Ю. А. Иксуль фон Гильденбандта, обратившегося 30 сентября 1908 г. к Я. В. Глинке с просьбой «оказать содействие А. А. Кондратьеву» (см.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1077. Л. 3 об. — 4). До перехода в канцелярию Думы Кондратьев с сентября 1902 г. служил младшим помощником делопроизводителя юридической части Управления железных дорог Министерства путей сообщения. С конца ноября 1908 г. числился помощником делопроизводителя VIII класса в канцелярии Государственной думы (см.: Там же. Л. 1, 5, 13). Как писал Г. П. Струве, до поступления на юридический факультет Санкт-Петербургского университета Кондратьев окончил 8-ю Санкт-Петербургскую гимназию, «где его учителем был Иннокентий Анненский» (*Струве Г.* Александр Кондратьев по неизданным письмам. С. 4). А. А. Кондратьев поступил на юридический факультет в 1897 г., свидетельство об окончании университета получил в апреле 1902 г. (см.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 33888. Л. 1, 16, 23; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1077. Л. 11–14).

⁹ Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801–1917: в 4 т. / отв. ред. Д. И. Раскин. СПб., 1998. Т. 1. С. 192–193, 256–257; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1077. Л. 11–14.

¹⁰ *Струве Г.* Александр Кондратьев по неизданным письмам. С. 4; Письма А. А. Кондратьева к Блоку (1903–1912). С. 552. — В 1939 г. Кондратьевым удалось выбраться в Варшаву, оттуда под Вену, а в апреле 1945 г., «уходя от приближающегося фронта», в район Берлина; оттуда летом 1945 г. в Белград, где А. А. Кондратьев прожил до 1950 г. В 1952 г., после отъезда дочери, Елены Александровны Андреевой, и ее детей в США, А. А. Кондратьев переселился в дом престарелых в швейцарском местечке Веезен (Weesen), а в 1957 г. благодаря усилиям дочери он получил американскую визу и переехал в США. Последние годы жизни А. А. Кондратьев провел в старческом приюте в г. Найк,

Как следует из личного дела А. А. Кондратьева, несмотря на свои знания и опыт, особой карьеры в Думе он не сделал, да, похоже, к этому и не стремился, оставаясь к февралю 1917 г. помощником делопроизводителя канцелярии Государственной думы VIII класса в ранге надворного советника¹¹. Впрочем, служба была для него не единственным, но основным источником дохода¹², тогда как все свободное время он посвящал литературным занятиям.

Однако наше внимание личность А. А. Кондратьева привлекла не благодаря его литературному таланту и эрудиции, неоднократно отмечавшимся такими его современниками, как, например, А. А. Блок, В. Я. Брюсов и Б. А. Садовский¹³, а тем, что по роду службы он на протяжении ряда лет находился в непосредственной близости к председателю Думы М. В. Родзянко и, предположительно, мог входить в круг его доверенных помощников. Близость эта, как свидетельствовал сам А. А. Кондратьев как до, так и после 1917 г., определялась прежде всего местоположением его рабочего места. Не считая помещения Общего собрания, один из двух рабочих столов А. А. Кондратьева в Таврическом дворце находился прямо в кабинете председателя нижней палаты, где чиновник регулярно дежурил¹⁴ и откуда мог беспрепятственно наблюдать за происходившим в стенах думского синклита.

Кроме того, степень осведомленности А. А. Кондратьева о внутридумской кухне определялась и его многолетними обязанностями по редактированию «Справочного листка Государственной думы», думских стенографических отчетов (особенно в годы Первой мировой войны), а после Февральской революции — и по редактированию «Известий Временного комитета Государственной думы». Не последнюю роль здесь играли личные, порой давние, знакомства с видными депутатами, среди которых были и прогрессивный националист В. В. Шульгин, и октябрист А. Ф. Мейендорф, а также известные кадеты Ф. И. Родичев и А. И. Шингарев¹⁵. Неудивительно, что о многом будущий мемуарист узнавал раньше своих современ-

неподалеку от Нью-Йорка. Скончался А. А. Кондратьев 26 мая 1967 г., через два дня после того, как ему исполнился 91 год, и был похоронен на близлежащем православном кладбище в Ново-Дивеево (см.: *Струве Г. Александр Кондратьев по неизданным письмам*. С. 6; Из писем А. А. Кондратьева периода эмиграции (1952–1960) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. М. В. Скороходова // Русская литература. 2016. № 3. С. 249, 251, 258). Примечательно, что на протяжении долгого времени А. А. Кондратьев эмигрантом себя не считал. Вот что он писал в 1929 г. по поводу своего пребывания под Ровно старой знакомой в Ленинград: «Я за границу никогда не выезжал и не виноват, что само отечество от меня эмигрировало» (цит. по: Письма А. А. Кондратьева к Блоку (1903–1912). С. 552). Корреспондентом А. А. Кондратьева была поэтесса М. Г. Веселкова-Кильштедт, с которой он был знаком еще по литературному кружку «Вечера К. К. Случевского», а также, надо полагать, благодаря ее близкому родству с сослуживцем А. А. Кондратьева, старшим делопроизводителем думской канцелярии К. А. Кильштедт-Веселковым (см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 981).

¹¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1077. Л. 101, 117; *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет... С. 27–29.

¹² *Лавров А. В.* Автобиографии А. А. Кондратьева. С. 548.

¹³ Письма А. А. Кондратьева к Блоку (1903–1912). С. 552–554; Письма А. А. Кондратьева к В. Я. Брюсову. С. 208–210; *Струве Г.* Александр Кондратьев по неизданным письмам. С. 11, 12, 29–31.

¹⁴ Письма А. А. Кондратьева к В. Я. Брюсову. С. 199 (письмо от 25 ноября 1915 г.); Справочный листок Государственной думы. 1916. 10 (23) декабря. № 28. С. 8; *Кондратьев А. А.* Письма Б. А. Садовскому. С. 21 (письмо от 5 декабря 1914 г.); *Кондратьев А.* Письма Амфитеатровым // Новый журнал. 1990. Кн. 181. С. 149; 1991. Кн. 182. С. 128.

¹⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1077. Л. 110; *Кондратьев А.* Письма Амфитеатровым // Новый журнал. 1991. Кн. 182. С. 115, 116; *Кондратьев А. А.* Письма Б. А. Садовскому. С. 21, 22; *Кондратьев А.* Десять лет тому назад // Последние известия. 1927. 29 марта. № 77. С. 3; 30 марта. № 78 С. 2, 3.

ников и не из газет: «через служебные кабинеты мои прошли, говоря при мне и со мною, многие [будущие. — С. Л.] деятели революции. Да и самую революцию я мог наблюдать из-за своих рабочих столов в разных помещениях Таврического дворца», — вспоминал А. А. Кондратьев в феврале 1938 г.¹⁶

Компетентность и исполнительность А. А. Кондратьева в сочетании с редакторскими навыками и в особенности с его умеренными конституционно-монархическими¹⁷ взглядами должны были бы привлечь внимание то и дело нуждавшегося в надежных сотрудниках М. В. Родзянко. Но, насколько позволяют судить доступные нам источники, председатель нижней палаты так и не выделил А. А. Кондратьева из числа чиновников канцелярии и не ввел в ближний круг своих помощников. «Не партийному и никогда не бывшему партийным» А. А. Кондратьеву¹⁸ властный председатель 4-й Думы предпочел кадетствующим и далеко не во всем ему преданных Д. М. Щепкина и Г. А. Алексева, а после их «бегства» к князю Г. Е. Львову летом 1914 г. в московский Земгор¹⁹ — молодых и, кажется, вполне заурядных чиновников Общего собрания Б. А. Калачева и В. Н. Садыкова-второго²⁰.

О том, что помешало столь опытному и в целом гибкому политику, каким, несомненно, являлся последний председатель императорской Думы, разглядеть в Кондратьеве надежного помощника и конфидента, остается только догадываться. И все-таки наши поиски источников, способных пролить свет на этот нерешенный вопрос, оказались не совсем напрасными. В частности, хотя бы потому, что мы наткнулись на опубликованные в 1927 г. в ревельской эмигрантской малотиражной газете «Последние известия», не использовавшиеся прежде историками воспоминания А. А. Кондратьева о первых днях Февральской революции, которые практически полностью приводятся в Приложении²¹.

Сразу же оговоримся, что в нашем распоряжении нет сведений о том, когда именно были написаны эти воспоминания. Неизвестно также, лежали ли в их основе дневниковые или какие-либо другие, современные описываемым событиям, записи. Судя по обрывочности некоторых сюжетов и местами недостаточно (во

¹⁶ Кондратьев А. Письма Амфитеатровым // Новый журнал. 1990. Кн. 181. С. 139–141, 149, 150; 1991. Кн. 182. С. 128, 129. — Согласно утверждению В. Крейда, с 1909 г. Кондратьев по долгу службы вел дневник заседаний в думской комиссии «О незаконных действиях органов правительства» и поэтому «знал внутривластные новости порой задолго до их обсуждения» (Там же. 1991. Кн. 182. С. 109).

¹⁷ В письмах к Г. П. Струве в 1931–1932 гг. А. А. Кондратьев причислял себя к конституционным монархистам (правее кадетов, но, скорее всего, левее октябристов) и упоминал о своем «конституционно-монархическом credo» (Струве Г. Александр Кондратьев по неизданным письмам. С. 22, 31).

¹⁸ Кондратьев А. Письма Амфитеатровым // Новый журнал. 1990. Кн. 181. С. 149. — При этом, правда, Кондратьев не рассказал своим эмигрантским корреспондентам историю своего отчисления из университета в начале 1899 г., связанного, скорее всего, с участием в студенческих демонстрациях (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 33888. Л. 16 (выражаем особую признательность П. А. Трибунскому за эту информацию)).

¹⁹ См.: Ляндрес С. М. М. В. Родзянко и его окружение. К вопросу о советниках и сотрудниках последнего председателя Государственной Думы // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 2020. С. 147–151.

²⁰ О В. Н. Садыкове (1880–?) см.: Садыков В. Последний председатель Государственной Думы // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVII. С. 9–18; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1089. Л. 71 об. О Б. М. Калачеве (1888–?) см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1054; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ОО. 1916. Оп. 246. Д. 307. Лит. А. Л. 75, 76.

²¹ Кондратьев А. Десять лет тому назад // Последние известия. 1927. 29 марта. № 77. С. 2, 3; 30 марта. № 78. С. 2, 3.

всяком случае, для такого «тонкого стилиста»²², каким считался автор воспоминаний) обработанной прозе, можно предположить, что они писались на скорую руку и были приурочены специально к 10-летию Февральской революции. В пользу данного предположения говорит, в частности, упоминание А. А. Кондратьевым вышедших незадолго до этого известных воспоминаний В. В. Шульгина²³.

Сказанное, разумеется, еще не означает, что передаваемые автором образы и оценки сложились у него только в процессе работы над воспоминаниями и не были им достаточно осмыслены. Судя по его переписке с современниками, как до, так и после публикации 1927 г., наиболее яркие впечатления сформировались у Кондратьева еще в дни революции²⁴. Вместе с тем будет нелишне отметить, что мемуарист достаточно ясно отдавал себе отчет в несовершенстве жанра исторических воспоминаний и особенно в том, что касалось воспроизведения сведений, полученных от третьих лиц. Складывается впечатление, что по мере возможности А. А. Кондратьев старался ограничиться передачей увиденного (и осмысленного) им самим. Вот что он писал в преддверии к публикации своих заметок: «Опуская предшествовавшие революции уличные и иные события, в которых было довольно много для меня непонятного, я ограничусь описанием лишь того, чему я был непосредственным свидетелем в последние дни февраля 1917 года»²⁵.

А свидетелем, судя хотя бы по его письму В. Я. Брюсову от 11 марта 1917 г., он был многому, поскольку «с первого же дня и ни разу не пропустив, ни одного дня, находился на службе в Таврическом дворце все дни Февраля»²⁶. И в том же письме: «Сколько впечатлений! Сколько материала для интереснейших романов! Действительность как бы стремится превзойти самую пылкую фантазию»²⁷. Увы, не только романа²⁸, но, насколько нам известно, даже развернутых воспоминаний об

²² Кондратьев А. Сны / публ. и вступ. ст. В. Крейда // Новый журнал. 1990. Кн. 179. С. 125–129.

²³ Речь идет о воспоминаниях В. В. Шульгина. См.: Шульгин В. В. Дни. Белград, 1925.

²⁴ См. примечание 4 выше.

²⁵ Кондратьев А. Десять лет тому назад // Последние известия. 1927. 29 марта. № 77. С. 2.

²⁶ Письма А. А. Кондратьева к В. Я. Брюсову. С. 208–210, 213, 214. — В июне 1917 г. Кондратьев в очередной раз отправился в Крым, в Новый Симеиз (недалеко от Алупки), где с осени 1916 г. жила семья (жена, сын и дочь) (см.: Там же. С. 219; Кондратьев А. А. Письма Б. А. Садовскому. С. 23, 25). Судя по всему, в последний раз до Февральской революции А. А. Кондратьев навещал семью в Крыму в декабре 1916 г. и пробыл там до второй недели февраля 1917 г., откуда в начале месяца был вызван обратно на службу ввиду возобновления сессии Государственной думы. Кондратьев вернулся в Петроград не позднее 13 февраля, а уже 15-го вновь приступил к своим служебным обязанностям в Таврическом дворце (Письма А. А. Кондратьева к В. Я. Брюсову. С. 208–210; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1077. Л. 117).

²⁷ Письма А. А. Кондратьева к В. Я. Брюсову. С. 213.

²⁸ Как пишет Б. М. Витенберг в предисловии к дневнику Я. В. Глинки и неопубликованном исследовании «Думская служба» (в свое время одна из машинописных копий была предоставлена Б. М. Витенбергом автору настоящей статьи): «В написанной Кондратьевым уже впоследствии, в эмиграции, фантастической повести “Сны” возникает и образ Таврического дворца: рассказчику, от лица которого ведется повествование, он якобы пригрезился еще в 1897 г. среди “целого ряда картин войны в Петербурге”. Но в этих картинах войны герой повести (которого, видимо, смело можно отождествлять со склонным к мистике автором) видит предзнаменование событий не только 1917 г., но и будущих: “Многое из виденного мною во сне в 1897 году, например трупы убитых в Круглой зале Таврического дворца или войска в иностранной форме на Забалканском проспекте, оказалось несбывшимся, но из этого еще не следует, что события эти никогда не случатся”» (Витенберг Б. М.: 1) Думская служба: [неопубликованная машинопись]; 2) Я. В. Глинка и его дневник. С. 29; см. также: Кондратьев А. Сны. С. 149). Заметим, что в «Снах» автор упоминает о начале своей службы в думской канцелярии (после женитьбы, то есть после 27 апреля 1908 г.) и о «государствен-

этих действительно исторических днях А. А. Кондратьев после себя не оставил. Тем ценнее, надо полагать, написанные им для «Последних известий» и публикуемые ниже мемуарные заметки.

Заметим, что мы не ставим себе целью ни дать исчерпывающий их анализ, ни тем более прокомментировать все упоминаемые в них события. Некоторые сюжеты, такие, например, как описание петроградских улиц или наводненных восставшими солдатами и публикой помещений Таврического дворца, достаточно хорошо известны и не нуждаются в дополнительных объяснениях. В нашем комментарии мы ограничимся лишь краткими справками о менее известных лицах и наиболее важных (для понимания роли и места Государственной думы в Февральской революции) эпизодах.

Собственно повествование о первых днях Февральской революции в Петрограде мемуарист начинает с субботы, 25 февраля 1917 г., когда в преддверии выходного он, как обычно, выехал за город к родственникам²⁹. Куда именно направился А. А. Кондратьев, сказать с полной определенностью мы не можем, но с очень большой вероятностью можно предположить, что пунктом его назначения был дачный поселок Победовка, располагавшийся недалеко от железнодорожной станции Поповка по Николаевской железной дороге, на 33-й версте к юго-востоку от Петрограда³⁰.

Проведя воскресный день «26 февраля вне Петрограда», делопроизводитель думской канцелярии в понедельник утром, с новыми силами, отправился обратно в город. 26-го в дачную местность доходили только совсем неопределенные слухи о событиях в столице. Газет не было. Но уже 27-го, по дороге в Петроград, А. А. Кондратьев узнал, что «рабочие “победили полицию и взяли власть в свои руки”»³¹. Трамваи не ходили. Дежурство его в Таврическом дворце начиналось с 2 часов дня, но до этого Кондратьев собирался еще зайти к себе на квартиру, на Петроградской стороне, и уже оттуда отправиться на Шпалерную в Думу с тем, чтобы поспеть до начала «сидения в общем собрании <...> проредактировать стенограмму одной речи, которую должен был вернуть после авторских поправок взявший ее для прочтения член Государственной думы»³².

Опустив несколько строк, где мемуарист описывает общеизвестные события на улицах Петрограда, начнем изложение воспоминаний А. А. Кондратьева с описания им пути от Николаевского вокзала до своей квартиры, а затем оттуда в Таврический дворец.

ном перевороте» в феврале 1917 г., но никаких дополнительных подробностей не приводит (Кондратьев А. Сны. С. 148–149). Супругой А. А. Кондратьева и матерью его двух детей (Алексей 1909 г. р. и Елена 1913 г. р.) была дочь тайного советника Елена Павловна Красовская (1874–1941) (см.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1077. Л. 8, 12; Струве Г. Александр Кондратьев по неизданным письмам. С. 6).

²⁹ Кондратьев А. Десять лет тому назад // Последние известия. 1927. 29 марта. № 77. С. 2.

³⁰ Там по Большому проспекту числилась дача П. П. Кондратьева (вероятно, речь идет о дяде мемуариста, брате его отца), куда по выходным круглый год приезжал из столицы А. А. Кондратьев и где, за исключением зимних месяцев, проживали его жена и дети (Кондратьев А. А. Письма Б. А. Садовскому. С. 18–19, 24–26; Весь Петроград на 1917 г. Адресная и справочная книга г. Петрограда. [Пг.], 1917. Стб. 383).

³¹ Кондратьев А. Десять лет тому назад // Последние известия. 1927. 29 марта. № 77. С. 2.

³² Там же. — Квартира А. А. Кондратьева находилась по адресу: ул. Бармалева, д. 20, кв. 10. Оттуда пешком до Таврического дворца немногим меньше часа — через Троицкий мост или по Литейному мосту прямо на Шпалерную. Кого из депутатов имеет ввиду мемуарист, установить пока не удалось.

[Часть 1]³³

<...> Со свертком привезенной с дачи провизии под мышкой торопливо шел я по странно опустевшим улицам Петрограда, слыша то там, то сям ружейную стрельбу. По набережной Фонтанки вышел я на Неву. Со стороны Марсова поля и окружавших его казарм несся особенно частый стук и треск ружейного и пулеметного огня. Я не пошел поэтому на Троицкий мост и перебрался через Неву по мосткам, ведущим к домику Петра Великого. По ту и другую сторону реки стояли пикеты, пропускавшие на мостки только военных. Но меня — с моею входной в Таврический дворец карточкой — пропустили. Попав домой, я пробыл там, однако недолго и, наскоро закусив, поспешил той же дорогой обратно. Но на мостки через Неву меня на этот раз уже не пустили, и мне пришлось идти к Троицкому мосту по Каменноостровскому проспекту.

<...>

...³⁴ С Троицкого моста я свернул налево, по [Французской]³⁵ набережной. Не доходя до Литейной [части]³⁶, по маленькому переулку свернул я на Шпалерную. Там, у ворот Патронного завода, я увидел впервые автомобиль с красным флажком. В нем дожидались кого-то двое солдат с обнаженными саблями. ...На углу Литейной и Шпалерной стояли большой нестройной толпой солдаты и обстреливали окна Окружного суда. Офицеров при них не было вовсе. Я спросил у солдат, как мне безопаснее пройти к Государственной думе. Кто-то из них ответил, что лучше идти по набережной, так как на Шпалерной сильно стреляют. Я пошел к [Воскресенской] набережной. ...Впереди нестройною массой шли вооруженные солдаты, которых я скоро догнал. Сознание того, что меня ждет в Думе неоконченная работа, заставляло меня стремиться туда. Одиночные солдаты какого-то другого полка прятались от солдат революционных, шедших по одному направлению со мною, за заборами дровяных складов у набережной. ...Я свернул в узкий [Водопроводный] переулок вдоль сада при водокачке³⁷ [Водонапорной башне], ведущий на Шпалерную, против ворот Таврического дворца. Там, возле так называемого Казначейского подъезда³⁸, было помещение для караула. Я видел, как туда вторглась толпа мятежных солдат, и слышал несколько беспорядочных выстрелов. Соппротивление нападавшей толпе оказало, как потом мне говорили, лишь офицер, начавший стрелять из револьвера и в свою

³³ Кондратьев А. Десять лет тому назад. С. 2–3.

³⁴ Здесь и далее фигурируют многоточия автора воспоминаний. Многоточия в угловых скобках обозначают пропуск текста и принадлежат публикатору.

³⁵ Здесь и далее в квадратных скобках публикатор восполняет пропущенные слова.

³⁶ Литейная часть — один из старейших и наиболее уважаемых районов центрального Санкт-Петербурга / Петрограда, расположенный, согласно «Плану Петербурга с ближайшими окрестностями 1914 [г.]», между Невой (Воскресенская набережная), Невским и Литейным проспектами. Таврический дворец находился в северо-восточной оконечности Литейной части. По другим, возможно, более точным данным, неоднократно менявшиеся границы Литейной части ограничивались с севера Невой, с юга — Кировой улицей, с запада — Литейным проспектом, с востока — Таврическим садом и дворцом. См.: Жерихина Е. И. Литейная часть. От Невы до Кировой, 1710–1918. М., 2006. С. 3, 79–113.

³⁷ «Водокачка», главная водонапорная башня городского водопровода, находилась напротив главного, парадного, подъезда Таврического дворца.

³⁸ Один из двух так называемых служебных подъездов Таврического дворца, с западной стороны, рядом с помещением Казначейства. Прямо напротив него, в восточном крыле дворца, в нескольких метрах от Шпалерной улицы, находился второй служебный (Церковный) подъезд.

очередь тяжело раненный каким-то подростком³⁹. Кровь этого офицера я видел после на носилках, стоявших у дверей думского медицинского кабинета⁴⁰.

Отделившись от толпы, я направился к противоположному (Церковному) подъезду⁴¹. Туда меня впустил один из смотревших сквозь дверные стекла на происходившее сторожей. Находившей[с]я обычно в приемной полицейской охраны⁴² как не бывало.

В Думе царила полная растерянность⁴³. Сослуживцы⁴⁴ мне сообщили, что она [Дума] распущена указом императора⁴⁵, но что депутаты постановили, расходясь по домам, не

³⁹ Речь идет об известном эпизоде, имевшем место 27 февраля между часом и половиной второго дня. Таким образом, временем прихода А. А. Кондратьева в Таврический дворец следует считать примерно половину второго дня. Офицером, которого, судя по всему, ранил именно подросток, оказался начальник караула дворца прапорщик 86-й пешей Вологодской дружины Михаил Константинович Медведев (1876 — после июля 1918). Он был ранен в правую руку и грудь. Несмотря на усилия врачей, первоначально в Психоневрологическом институте В. М. Бехтерева, где М. К. Медведеву оказали первую помощь, а затем в Николаевском военном госпитале на Суворовском проспекте, руку пришлось ампутировать. Наиболее достоверно обстоятельства ранения М. К. Медведева описаны в показаниях (от 5 мая 1917 г.) его непосредственного начальника капитана А. А. Чиколини, а затем на основании различных свидетельств внимательно разобраны в работах А. Б. Николаева и С. М. Ляндреса (см.: *Lyandres S. The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution.* Oxford, 2014. P. 75, 82; *Николаев А. Б.*: 1) Революция и власть: IV Государственная дума. 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2005. С. 181, 184, 186–187; 2) Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 г.: в 2 т. Т. 1. СПб., 2017. С. 269, 271–272).

⁴⁰ Судя по всему, автор воспоминаний имеет в виду не медицинский, а Врачебный кабинет, располагавшийся в западном крыле Таврического дворца по соседству с помещением Казначейства и, соответственно, с Казначейским подъездом.

⁴¹ См. примечание 38. Второй (после Казначейского) служебный подъезд/вход в Таврический дворец с восточной стороны (восточного крыла дворца, напротив Казначейского подъезда), ведущий в церковь и Церковный дворик Таврического дворца.

⁴² Приемная, о которой упоминает А. А. Кондратьев, состояла из двух небольших смежных помещений и находилась справа от входа в Таврический дворец через Церковный подъезд. Слева от входа находилась небольшая комната Дежурной канцелярии, куда для несения дежурства и направлялся в тот день автор воспоминаний.

⁴³ Подобное состояние депутатов, надо полагать, вполне обоснованно, отмечают многие мемуаристы. Вряд ли приходится сомневаться в правомочности данного впечатления особенно у тех, кого можно причислить к менее активным участникам событий первых дней Февральской революции. Вместе с тем, как показывают, например, исследования последних лет (в первую очередь, А. Б. Николаева и С. М. Ляндреса), было бы ошибочно применять понятие «царившая растерянность» к председателю Думы М. В. Родзянко или, например, к П. Н. Милюкову, А. Ф. Керенскому и некоторым другим лидерам «думской революции».

⁴⁴ Насколько мы можем судить, это всего лишь второе и, на наш взгляд, более надежное из известных нам свидетельств о присутствии чинов думской канцелярии в Таврическом дворце в первой половине первого дня Февральской революции. О другом свидетельстве упоминает Б. М. Витенберг в предисловии к дневнику Я. В. Глинки (см.: *Витенберг Б. М.* Я. В. Глинка и его дневник. С. 30). Но, по-видимому, приводимое Б. М. Витенбергом утверждение из рабочей характеристики Я. В. Глинки, выданной бывшему главе думской канцелярии в СССР в 1935 г., доверия не заслуживает. См. также: *Савич Н. В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 208–209.

⁴⁵ Имеется в виду датированный 25 февраля 1917 г. (по проставленной заранее, на чистом бланке, подписи Николая II) Высочайший указ Правительствующему Сенату о перерыве занятий Думы с 26 февраля и с назначением срока «их возобновления не позднее апреля 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств» (см.: Февральская революция, 1917: сб. документов и материалов / сост. О. А. Шашкова. М., 1996. С. 109; *Николаев А. Б.* Протокол заседаний: Совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы. 27 февраля — 3 марта 1917 г. // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. СПб., 2012. С. 238). Царский указ был доставлен председателю Думы на дом, незадолго до полуночи 26 февраля, и, судя по всему, М. В. Родзянко не сообщил об этом чинам канцелярии до следующего утра, когда некоторые из них, невзирая на начавшееся солдатское восстание, пришли на службу в Таврический дворец. Подробнее

разъезжаться из столицы⁴⁶. Сколько было членов Думы на частном совещании, вынесшем такое постановление, неизвестно⁴⁷. Думаю, что не слишком много, ибо депутаты, ввиду стрельбы в городе и опасаясь принять участие в незаконном собрании, спешили разойтись по домам.

В здании Таврического дворца была ко времени моего прихода туда лишь небольшая кучка членов Думы, которые «совещались» или просто сидели, выжидая событий, в Полуциркульном зале⁴⁸. Мой ближайший начальник⁴⁹ сообщил мне, что накануне он

о действиях М. В. Родзянко непосредственно до и сразу после получения указа и, в частности, о его решении созвать совещание с представителями фракций и частное совещание всех членов Государственной думы на 27 февраля см.: *Lyandres S. On the Problem of "Indecisiveness" Among the Duma Leaders During the February Revolution: The Imperial Decree of Prorogation and Decision to Convene the Private Meeting of 27 February 1917 // The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol. 24, no. 1–2. P. 115–117; Николаев А. Б. Протокол заседаний... С. 238.*

⁴⁶ Вопрос о времени принятия и точной формулировке этого, можно сказать, судьбоносного постановления якобы нерешительными, «хронически не способными к революционным действиям думскими либералами» наиболее основательно изучен А. Б. Николаевым в его фундаментальном труде «Думская революция» (Т. 1. С. 183–202). Автор воспоминаний, скорее всего, ссылается здесь на постановление Совета старейшин (которое затем было подтверждено и частным совещанием членов Думы во второй половине дня 27 февраля), заседавшего сперва неформально (без участия председателя Думы) с 11 утра, а затем начиная с 12 часов дня и примерно до начала второго часа дня под его председательством (Там же. С. 183–184). А. Б. Николаев приходит к выводу о том, что еще до начала частного совещания (о котором речь пойдет ниже), ближе к концу заседания Совета старейшин, руководители фракций приняли несомненно революционное по духу и содержанию постановление: «Государственной думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах», в том числе, разумеется, и «не разъезжаться из столицы» (Там же. С. 202). Другой крупнейший историк Февральской революции, Циюши Хасегава, считает, что данное постановление было принято Советом старейшин после (и под влиянием) того, как восставшие солдаты ворвались в Таврический дворец, то есть ближе к 2 часам дня (*Hasegawa T. The February Revolution, Petrograd, 1917. The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power. Leiden, 2017. P. 354*). Ср. также с первым изданием его книги, в которой автор практически сводил на нет какую-либо «революционность» в действиях думских либералов (*Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle; London, 1981. P. 350–351*).

⁴⁷ Вопрос о точном количестве и составе участников этого важнейшего для понимания политической истории Февральской революции совещания до сих пор окончательно не выяснен. Приведем два наиболее обоснованных, хотя и расходящихся в оценках, мнения. Согласно подсчетам А. Б. Николаева, общее число участников частного совещания в Полуциркульном зале могло быть не менее 200 и, значит, составляло необходимый в подобных случаях кворум (см.: *Николаев А. Б. Думская революция. Т. 1. С. 203–205*). По нашему мнению, число участников было значительно меньше и во всяком случае до кворума, то есть одной трети общего состава депутатов Государственной думы, недотягивало (*Lyandres S. On the Problem of "Indecisiveness" among the Duma Leaders during the February Revolution. P. 120–127*).

⁴⁸ Впечатление А. А. Кондратьева о частном совещании отчасти подтверждается майскими 1917 г. показаниями его (кратковременного) участника и будущего лидера Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Н. С. Чхеидзе: «Происходило частное совещание Гос[ударственной] думы в Полуциркульном зале. Заседание производило скорее впечатление большого «опроса» (*Lyandres S. The Fall of Tsarism. P. 163*).

⁴⁹ Судя по всему, речь идет о ветеране думской службы (с конца августа 1908 г.), старшем делопроизводителе канцелярии и статском советнике (с апреля 1911 г.) Иване Ивановиче Батове (1875 г. р.) (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 956). По информации справочника «Весь Петроград на 1917 год», И. И. Батов проживал по адресу: 7-я Рождественская, д. 11, то есть намного ближе к Таврическому дворцу, чем его подчиненный, и, значит, мог раньше других служащих попасть в Думу в то утро. Являлось ли это также одной из причин, по которой председатель Думы пригласил И. И. Батова сопровождать его во время многочисленных поездок и встретил 26 февраля, утверждать мы не беремся. Примечательно, что в доступных нам свидетельствах сам М. В. Родзянко ничего не сообщает о сопровождавших его в тот день лицах. Обходит молчанием этот вопрос и фактический глава думской канцелярии и его многолетний конфидент Я. В. Глинка, хотя, судя по дневниковым записям послед-

сопровождал Родзянку по многим местам⁵⁰, а на сегодняшнем частном совещании в Полудицикульном зале, откуда его, как чиновника, тоже удалили, председатель Думы начал свою речь следующими, случайно им услышанными словами: “Господа, Дума распущена с тем, чтобы передать во время ее роспуска пост премьер-министра ответственного министерства князю Львову”...⁵¹

Сослуживцы, которые были в здании дворца тоже не в полном составе, рассказывали мне, что происходило в городе накануне, в том числе — об убийстве на Знаменской площади полицейского казачьим офицером⁵². Стенограммы, которую я рассчитывал отредактировать, равно как и депутата, от которого я должен был ее получить, в Думе не оказалось...

В Таврический дворец постепенно стали являться представители революционных организаций. Одного за другим сторожа проводили в зал заседаний возбужденных субъектов, к которым вызывали то Скобелева, то Керенского, то еще кого-то из членов Думы.

него, ему было известно о поездках патрона с его же (М. В. Родзянку) слов (Глинка Я. В. Одиннадцать лет... С. 180–181; Родзянку М. В. Крушение империи. Государственная Дума. Февральская 1917 года революция: Первое полное издание записок Председателя Государственной Думы. Нью-Йорк, 1986. С. 298–300. Lyandres S. The Fall of Tsarism. P. 108–109; Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. Т. VII / под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1927. С. 158–159).

⁵⁰ До сих пор историкам известно далеко не обо всех передвижениях М. В. Родзянку 26 февраля, как, впрочем, и о не менее насыщенном встречами дне предыдущем. Неполный список посещенных им 26 февраля лиц включал в себя министров земледелия А. А. Риттиха и военного М. А. Беляева, председателя Совета Министров князя Н. Д. Голицына (оба дня) и начальника Главного управления почт и телеграфов В. Б. Похвистнева. Вместе с тем не приходится сомневаться в том, что были и другие встречи, например с рядом думских депутатов и во время объездов районов восставшего города (Lyandres S. The Fall of Tsarism. P. 108–109; Падение царского режима. Т. VII. С. 158, 159; Февральская революция, 1917. С. 71; Николаев А. Б. Протокол заседаний... С. 239–240; [Куликов С. В.] Совет министров и падение монархии // Первая мировая война и конец Российской империи: в 3 т. Т. 3. СПб., 2014. С. 168, 171–173).

⁵¹ Это крайне важное и, насколько нам известно, единственное, хотя и опосредованное, свидетельство о намерениях председателя нижней палаты относительно созванного им накануне (вечером 26 февраля) частного совещания 27 февраля 1917 г. Подробнее об амбициозных планах М. В. Родзянку, выдвижении и последующей поддержке им кандидатуры князя Г. Е. Львова на пост главы ответственного перед Думой кабинета см.: Lyandres S. Conspiracy and Ambition in Russian Politics before the February Revolution of 1917: The Case of Prince Georgii Evgen'evich Lvov // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2015. Vol. 8. P. 128–133. Кроме того, если принять во внимание данное свидетельство мемуариста, которое, по нашему мнению, не противоречит тому, что известно о политической линии, проводимой властолюбивым председателем нижней палаты в последние месяцы перед Февральской революцией и во время нее, а также его достаточно сдержанную реакцию на царский указ о перерыве думских занятий, то вполне можно допустить не только высокую степень осведомленности М. В. Родзянку о переговорах группы умеренных депутатов (В. А. Маклакова, Н. В. Савича, секретаря Думы И. И. Дмитрюкова и националиста П. Н. Балашова) с либерально настроенными министрами Н. Н. Покровским и А. А. Риттихом 26 февраля, но и его прямую в них заинтересованность и даже закулисное участие (Lyandres S. The Fall of Tsarism. P. 98–99. Note 3; [Куликов С. В.] Совет министров и падение монархии. С. 172–176, 180).

⁵² Речь идет об убийстве 25 февраля (а не 26-го) исполнявшего обязанности пристава 1-го участка Александрово-Невской части ротмистра Михаила Евгеньевича Крылова (1877–1917) во время митинга у памятника Александру III на Знаменской площади. Крылову было нанесено семь ран, в том числе и колото-резаного свойства. Историки до сих пор пытаются доподлинно установить не только личность убийцы «пристава Крылова», но и точные обстоятельства случившегося. Наиболее подробно эти вопросы изучены в недавней работе Н. В. Родина (Родин Н. В. «Пристав Крылов»: опыт историографической идентификации и материалы к биографии // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4 (16). С. 81, 91–92). Подробнее о событиях, происходивших на улицах Петрограда 25–26 февраля 1917 г., см.: Ганелин Р. Ш. 25 февраля. 26 февраля // Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 3. С. 100–158.

Не помню, водили ли прибывших в Полуциркульный зал. Но в зале Общего собрания посетители эти говорили в более или менее схожих выражениях приблизительно следующее. “Солдаты на улицах и очень возбуждены. Мы пока еще сдерживаем эксцессы революционной толпы, но в недалеком будущем это станет уже невозможно, если Дума не придет к нам на помощь, не возглавит собою народный порыв и авторитетом своим не предотвратит возможных несчастий”...

Члены же образовавшегося после роспуска Думы “частного совещания” сидели в Полуциркульном зале, делились слухами, “совещались”, но к определенным решениям, кажется, не приходили...

Встретив в Екатерининском зале барона А. Ф. Мейендорфа⁵³, которого я знал еще с университетских времен, я подошел к нему и заговорил. Мейендорф сказал мне, что еще неизвестно, кто возьмет вверх, так как Семеновский полк только что “расколотил” приходивших “снимать” его сапер. Барон тогда, вероятно, еще не знал, что начальник военно-учебных заведений отказался дать юнкеров для подавления восстания⁵⁴...

Представители революционных организаций стали появляться понемногу и в прочих помещениях Таврического дворца. Они приходили и в приставскую, и в комнату секретарей при председателе Думы, где я обыкновенно сидел. Мне запомнился один из них, кажется, от железнодорожного союза, — с лицом безумца и дегенерата одновременно... На другой же день эти представители стали заботиться о том, чтобы во дворец не попадали чуждые революции элементы, и изготовили совместно кое с кем из чиновников входные билеты.

Часов около трех или позднее бывшие в Думе члены частного совещания образовали, как известно, орган со скромным названием “Временный комитет Государственной Думы для поддержания порядка и сношений с учреждениями и лицами”⁵⁵.

Ко дворцу стали подъезжать и спешно разгружаться автомобили, наполненные деревянными ящиками с патронами.

Помещения, прилегающие к Казначейскому подъезду, а затем и часть зал, комнат и коридоров заполнили революционные солдаты, а затем (уже в сумерки) и рабочие дружины, вооруженные винтовками. Оставшийся от прежнего караула часовой под окнами дворца продолжал пребывать на своем посту, так как его некому было сменить. Но на другой день утром его уже не было. К помещению думского почтового отделения⁵⁶, где находилась и сберегательная касса, стали часовые (не помню теперь, из рабочих или ре-

⁵³ Мейендорф Александр Феликсович (Федорович) (1869–1964), барон, депутат 3-й и 4-й Государственных дум от Лифляндской губернии. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1892 г. В 1901 г., когда А. А. Кондратьев учился на том же факультете, А. Ф. Мейендорф преподавал там в звании приват-доцента (эти сведения были любезно предоставлены П. А. Трибунским). С 1906 г. член Союза 17 октября. Отказался от звания члена Думы в связи с назначением сенатором 1 мая 1917 г., затем был избран депутатом Учредительного собрания по списку номер 3 (русские немцы). После октября 1917 г. выехал в Ригу, позже жил в Великобритании, Финляндии и снова в Великобритании (см.: Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энциклопедия: в 2 т. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2008. Т. 1. С. 382–383).

⁵⁴ Приводимые мемуаристом, надо полагать, с чужих слов, сведения не отличаются достоверностью и, скорее всего, относятся к 26 февраля 1917 г. Подробнее об участии солдат запасных батальонов лейб-гвардии Семеновского полка в событиях 26–27 февраля см.: Hasegawa T. The February Revolution, Petrograd, 1917. P. 263, 291.

⁵⁵ Судя по доступным нам источникам, образование ВКГД следует отнести к промежутку времени между 4 и 5 часами вечера 27 февраля (Февральская революция, 1917. С. 114–115).

⁵⁶ Думская почта находилась справа от главного входа в Таврический дворец, по правую руку от вестибюля, через гардеробную по коридору. За почтой располагался Думский телеграф, а по другую сторону коридора, прямо напротив почты, находилась известная комната № 13 (Бюджетной комиссии), которая в описываемое мемуаристом время была выделена М. В. Родзянко под помещение Петроградского Совета рабочих депутатов.

волюционных солдат). Я ушел из Думы уже в темноте, когда помещение выдавшего виды Потемкинского дворца заполняли с грохотом и шумом тяжело стучавшие сотнями сапог, сморкавшиеся на пол, тащившие пулеметы и ящики с патронами, задевавшие порой штык о штык новые люди — вооруженные рабочие и их руководители. В Круглом зале, не обращая внимания на скопление народа, за одним из маленьких столиков совещалась группа молодых людей обоего пола, представлявших собою студенческие боевые организации...

[2 часть]⁵⁷

На другой день трамваи опять не ходили, и мне пришлось передвигаться пешком. Каменноостровский проспект кишел народом, среди которого виднелись вооруженные разнокалиберными ружьями (вплоть до монтекристо⁵⁸) рабочими. Медленно двигались переполненные, украшенные алыми флагами грузовики-автомобили. В черной, блестящей штыками толпе гарцевал на коне молодой офицер в серой папаче, с красными бантами. Портрет его, как перешедшего первым на сторону революции, был помещен потом⁵⁹ во многих изданиях. Кажется, вся эта толпа направлялась к Арсеналу...

После долгой ходьбы по городу, под щелканье отдельных ружейных выстрелов, сквозь густую толпу, заполнявшую Шпалерную улицу, удалось мне, наконец, протиснуться в Таврический дворец через те самые ворота, в которые вошла накануне часть Волынского полка. Входная карточка моя еще действовала. В помещении столовой был устроен питательный пункт для солдат, а распоряжались там какие-то очень решительные и бесцеремонные, коренастые девицы. Когда я потребовал от одной из них, чтобы она меня пропустила, девица эта огрызнулась: “А почему я знаю, кто вы? Быть может, вы — сам Протопопов!”

Протолкавшись через переполненные разных племен и рас людьми коридоры в Круглый зал, я увидел там, между прочим, сваленные в кучи панцири, снятые с городских... Насколько помню, в этот день стали приводить в Думу арестованных министров и пленных городских. Последних доставляли в невозможном виде: избитых, оборванных и окровавленных. Часть из них была не в форменных шинелях, а переодета в дубленые полушубки, тулупы и валенки. Сюда приводили, впрочем, далеко не всех, так как значительную часть взятых в плен полицейских рабочие, революционные солдаты и женщины убивали. Особенно, говорят, при этом свирепствовали последние. При мне Керенский, помню, отдал приказ отвести часть пленных “в ближайшие казармы”. Мне пришло тогда в голову подозрение, что распоряжение это имело условный характер...

Сортировкой приведенных городских и нижних чинов занялись какие-то добровольцы из студентов и адвокатов. Более высоких чинов допрашивали члены Думы, а са-

⁵⁷ Кондратьев А. Десять лет тому назад // Последние известия. 1927. 30 марта. № 78. С. 2–3.

⁵⁸ Так называемое ружье монтекристо, с патроном кольцевого воспламенения, для стрельбы на короткие расстояния, пользовалось широкой популярностью в России в конце XIX — начале XX в. особенно среди садовников и фермеров для защиты урожая от птиц у городского населения для развлечения и спортивной стрельбы. Разработанное французским оружейным мастером Луи Флобером, в России ружье изготовлялось на Ижевском оружейном заводе.

⁵⁹ Скорее всего, речь идет о старшем унтер-офицере учебной команды запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка Тимофее Ивановиче Кирпичникове (1892 — не позднее 1918), о революционном «подвиге» и последующем культе которого существует обширная литература (см., например: Ганелин Р. Ш., Соловьева З. П. Воспоминания Т. Кирпичникова как источник по истории Февральских революционных дней 1917 г. в Петрограде // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Л., 1989. С. 178–195; Николаев А. Б. Думская революция. Т. 1. С. 238–239). Одна из наиболее известных, практически в полный рост, фотографий «первого солдата революции» была помещена на всю первую полосу «Петроградской газеты» 13 апреля 1917 г. (№ 26. С. 1).

мых высших брали в свое непосредственное ведение представители революционных партий, сажая таковых в министерский павильон и в другие места⁶⁰.

Компания каких-то юнцов, одетых в форму одного из технических училищ, в сопровождении двух-трех солдат привела в Таврический дворец в качестве арестованного бывшего министра Щегловитова⁶¹. Последний посажен был временно в проходную комнату, где помещались вдоль стен ящики для писем и печатных материалов, раскладываемых членами Государственной думы. Арестованный сидел молча за длинным столом и, стараясь казаться спокойным, курил папиросу за папиросой. Позади Щегловитова тоже сидел находившийся в близком родстве или свойстве с ним член Государственной думы⁶² и по временам шептал арестованному что-то вроде слов утешения. Чуть-чуть подалеже стояли часовые (солдаты). В комнате было довольно много любопытных, в том числе и несколько членов Государственной думы, но В. В. Шульгина среди них я не помню. Он вошел, вероятно, потом, вслед за Керенским.

Окруженный кучкой канцелярских служащих, волнуясь и сам, по-видимому, не веря своему счастью, молодой студент в технической форме непрерывно рассказывал, как он арестовал черносотенного сановника.

Но вот послышались торопливые шаги. В комнату вошел Керенский. Остановившись на расстоянии нескольких шагов от Щегловитова, он принял наполеоновскую позу (со скрещенными на груди руками) и победоносно несколько времени смотрел на арестованного.

Последний не торопясь отложил папиросу и поднялся с кресла. — “Вы бывший министр Иван Григорьевич Щегловитов?” — спросил, чеканя слова, после некоторой предварительной паузы Керенский. — “Я”... В тот же момент из противоположной двери показалась массивная фигура М. В. Родзянко, который, увидев Щегловитова, величественным жестом руки пригласил было его в свой кабинет. Но Керенский этого не позволил, заявив, что арестованный находится в его распоряжении. И я первый раз в жизни видел сконфуженного, как облитого водою, председателя Государственной думы, который тотчас же поспешил удалиться.

Дальше дело, вероятно, происходило так, как описывает (в “Днях”⁶³) В. В. Шульгин, но сцена эта, несмотря на прекрасную игру главного актера, быть может, именно благодаря этой игре, показалась мне неприятной, и я ушел.

⁶⁰ Подробнее о том, по чьим приказаниям и как происходили аресты, а также где содержались полицейские чины и царские сановники всех рангов 27–28 февраля, см.: *Николаев А. Б.* Думская революция. Т. 2. С. 68–103. Высшей (куда входили члены Думы) и Низшей (по сути дела, комиссии по арестам) следственным комиссиям и содержанию арестованных министров и высших царских сановников в Министерском павильоне Таврического дворца посвящено исследование А. Б. Николаева (Там же. С. 103–151).

⁶¹ Скорее всего, автор воспоминаний путает 27 февраля с 28-м. И. Г. Щегловитов был арестован 27 февраля, в Таврический дворец его привели к 17:30 (*Николаев А. Б.* 1) Думская революция. Т. 2. С. 112–116; 2) А. Ф. Керенский: pro et contra: антология: Личность и деятельность А. Ф. Керенского в оценке современников / сост. А. Б. Николаева. СПб., 2016. С. 52).

⁶² Ссылаясь на воспоминания сибирского кадета, депутата 4-й Думы С. В. Востротина, А. Б. Николаев пишет, что И. Г. Щегловитова привели в Таврический дворец вместе с «родственником членом Думы из правых фракций». По мнению питерского историка, этим родственником-депутатом был В. А. Ханенко (*Николаев А. Б.* Думская революция. Т. 2. С. 112, 113). Василий Александрович Ханенко (1878 — после 1917), депутат 4-й Государственной думы от Черниговской губернии (оттуда же был родом и Щегловитов) от землевладельцев, окончил юридический факультет Московского университета, член фракции Центра, входил в Прогрессивный блок (Государственная дума Российской империи. Т. 1. С. 679).

⁶³ *Шульгин В. В.* Дни. С. 170–171. — Судя по описанию В. В. Шульгиным этого неоднократно воспроизводимого впоследствии мемуаристами и историками эпизода, можно предположить, что сам он не был непосредственным свидетелем первых минут той драмы, которая развернулась в маленькой комнате недалеко от главного входа в Таврический дворец. Наиболее подробно обстоятель-

Мало-помалу мне становился понятен удельный вес лиц и партий, делавших революцию. Не последнюю роль в этом деле сыграл и союз журналистов, с первого же, кажется, дня революции выпускавший вместо всех остальных закрытых газет свои «Известия»⁶⁴. «Известия» эти распространяли в стране сведения в духе, благоприятном для переворота. Так, помню, в одном из выпусков этого листка постановление Думы подчиниться декрету о роспуске, но не разъезжаться из столицы было передано как постановление «не расхотиться», что дало возможность делать в стране революцию именем Думы⁶⁵.

Все впечатления первых дней этой исторической драмы смешались теперь у меня в голове в какой-то сплошной кошмар или сон... Новые и новые партии разоруженных, избитых, с окровавленными порою физиономиями городских приводились сквозь Церковный подъезд и со стороны Таврической улицы и стояли длинными вереницами в коридоре, ожидая своей участи. Среди этих «пленных» попадались порою лица, ничего общего с полицией не имеющие (например, чины тюремного ведомства), арестованные по злобе партийных работников или просто уголовных преступников.

«Временный комитет Государственной думы» добился, кажется, от вождей демократических партий, чтобы приказы об аресте контрастировались одним из депутатов (Карауловым и еще кем-то⁶⁶). Но аресты производились в большинстве случаев помимо таких приказов. Отпущенные из Таврического дворца зачастую вновь арестовывались и доставлялись обычно уже в другое место.

Думские переписчицы рассказывали мне, когда во дворец привезли избитого прикладами, с окровавленную голову Н. А. Маклакова, то солдаты, его бывшие, не позволили им сделать раненому министру перевязку. Одного за другим доставили и некоторых других высокопоставленных лиц, в том числе — митрополита Питирима, которого, впрочем, скоро, говорят, отпустили⁶⁷.

ства и подоплеку известной стычки А. Ф. Керенского с М. В. Родзянко в связи с арестом И. Г. Щегловитова изучил А. Б. Николаев (см.: *Николаев А. Б. Думская революция*. Т. 2. С. 79–80, 112–114).

⁶⁴ Речь идет об «Известиях Комитета петроградских журналистов» («Известия КПЖ»), первый номер которых был набран и напечатан в Типографии Т-ва А. С. Суворина «Новое время» (Эртелев пер., д. 13) около 23 часов 27 февраля 1917 г. тиражом около 500 тысяч экземпляров (*Николаев А. Б. Думская революция*. Т. 1. С. 199, 233). Всего вышло девять номеров, последний — 5 марта 1917 г. О задачах издания его участники написали в последнем номере «Известий КПЖ» следующее: «... с выходом газет наша задача кончилась. Мы, журналисты, как граждане, худо ли, хорошо — выполнили наш долг — осведомлять население в эти исключительно исторические дни» (цит. по: *Николаев А. Б. Периодическая печать в дни Февральской революции: «Известия» Комитета петроградских журналистов // Три столетия Санкт-Петербурга: взгляд молодых гуманитариев*. СПб., 1997. С. 68).

⁶⁵ См. примечание 47 выше.

⁶⁶ О форме, количестве, содержании и контрастировании приказов Временного комитета Государственной думы (ВКГД) в февральско-мартовские дни 1917 г. см.: *Николаев А. Б. Думская революция*. Т. 1. С. 117–124, 128–130, 132–133. Михаил Александрович Караулов (1878–1917) был в описываемое время депутатом 4-й Государственной думы от Терской области, членом группы Независимых депутатов, с 27 февраля по 8 марта 1917 г. — членом ВКГД, а с 1 по 4 марта 1917 г. — еще и комендантом Таврического дворца.

⁶⁷ Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) был ненавистным прогрессивной общественности министром внутренних дел (декабрь 1912 — июль 1915), членом Государственного совета (с января 1915 г.) и братом известного кадета В. А. Маклакова. Бывший сановник был арестован 1 марта 1917 г. и к 21 ч доставлен в Таврический дворец под усиленным конвоем. По дороге в Думу Н. А. Маклаков был ранен в голову, судя по всему, одним из конвоировавших его революционных солдат. Митрополит Питирим (в миру Павел Окнов, 1858–1919) считался ставленником Г. Е. Распутина и императрицы Александры Федоровны, был арестован 28 февраля 1917 г. и в тот же день доставлен в Таврический дворец, содержался в Министерском павильоне, но вскоре, после заявления о намерении сложить с себя сан митрополита, был отпущен в Александро-Невскую лавру «на покой».

По Думе все время ходили слухи, по преимуществу, благоприятные для революции.

Но передавались наблюдения и более интимного, порой даже трогательного свойства вроде того, как ночевавшая в Таврическом дворце Ольга Львовна Керенская⁶⁸ бегала утром за своим мужем с чашкой куриного бульона в руках, уговаривая “заложника демократии” подкрепить свои силы...

Наскоро составившееся — чуть ли не 27 февраля — скопище представителей революционных организаций и отдельных лиц заняло зал заседаний и назвало себя советом рабочих, а позднее — и солдатских депутатов. По договору с ними, а может быть, и с кем-нибудь иным Дума должна была прекратить свое существование и не имела права впредь собираться иначе как на частные совещания⁶⁹. Об этом неоднократно мне потом

⁶⁸ Керенская (Барановская) Ольга Львова (1884–1975), первая жена А. Ф. Керенского (1904–1939), после 1921 г. жила в Великобритании. Много лет спустя Ольга Львовна вспоминала, как утром 27 февраля 1917 г. после звонка из Думы, куда ее мужа вызвали на экстренное заседание, А. Ф. Керенский ушел в Таврический дворец, оставив ее сидеть дома и отвечать на телефонные звонки: «Уйдя в этот день из нашей квартиры, Александр Федорович никогда уже больше не вернулся жить с нами. Первые дни он жил, не выходя из Думы» (*Керенская О. Л. Обрывки воспоминаний // The Parliamentary Archives (London, UK). STN/DS/2/2. Л. 4.* Тем не менее дома Ольге Львовне не сиделось, и ближе к вечеру, но еще засветло, она отправилась в Таврический дворец, где за разговорами со старым народовольцем Г. А. Лопатиным провела «весь вечер до поздней ночи» (Там же. Л. 5, 8). А потом, ближе к утру (28 февраля), все-таки пошла обратно домой, чтобы провести маленьких сыновей (Там же. Л. 8, 9).

⁶⁹ Об этом же А. А. Кондратьев вспоминал пятью годами позже в письме к Г. П. Струве: «У лиц, вошедших во Временное правительство (мартовское), а может быть, у руководителей заговора, было соглашение с крайними левыми партиями (сформировавшимися в Совет рабочих и солдатских депутатов, о *несозыве* Гос[ударственной] Думы (левым дано было обязательство, на которое те в разговорах в Таврическом дворце неоднократно *ссылались*). Позволено было собираться лишь на “частные” совещания. После того как Государь Император отказался от престола, передав власть свою Гос[ударственной] думе, последняя была, во исполнение сего соглашения, не созвана. Милюков и Шульгин, конечно, зная об этом соглашении, стараются объяснить несозыв Думы иными причинами. Была, правда, сделана попытка (кандидатом в Тамбеты — [М. М.] Винавером) собрать совещание наличных членов 4-х дум (состоявшееся 27 апреля 1917 г. в значительно урезанном составе без каких-либо полномочий и только в качестве торжественного заседания депутатов Государственных дум всех четырех созывов в связи с 11-й годовщиной русского парламента. — С. Л.), но время было упущено, и неразосланные (или неразбежавшиеся) члены струсили солдатских криков с хор Таврического дворца и Временного правительства не поддержали. Пишу о том на всякий случай, не знаю, долго ли мне остается жить ввиду возможных политических событий. Нигде о соображаемом мною обстоятельстве не читал, но злорадное торжество внедрившихся в Таврический дворец представителей левых организаций помню и возражения слышал: “Но члены Думы имеют право собираться на частные совещания”... Если Вы будете допрашивать Маклакова, Керенского, Милюкова и др., конечно, отрекутся» (*Струве Г. Александр Кондратьев по неизданным письмам. С. 28–29.* О частных совещаниях членов Государственной думы, собиравшихся по мере необходимости между 27 февраля и 20 августа 1917 г., см.: *Николаев А. Б.*: 1) Частные совещания членов Государственной думы // *Государственная дума Российской империи. Т. 1. С. 697–698*; 2) Частные совещания членов Государственной думы в марте 1917 года // *Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Ч. 1. С. 241–264*; 3) Частные совещания членов Государственной думы в апреле 1917 года // Там же. Ч. 2. С. 75–83. О возможности некоей неформальной договоренности между членами думской верхушки и министрами Временного правительства первого состава, определявшей место и полномочия Государственной думы в новой послереволюционной политической системе, см.: *Николаев А. Б. Политическая система в России в марте — октябре 1917 г.: основные черты и этапы истории // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2019. Vol. 12. P. 106, 116–117, 124, 131–135; Lyandres S. The Fall of Tsarism. P. 287–289.* Свидетельство А. А. Кондратьева о *несозыве* Государственной думы отчасти подтверждается одним из первых публичных выступлений А. Ф. Керенского во время его пребывания в Москве 7 марта 1917 г. См.: *Русское слово. 1917. 8 марта. № 49. С. 3.*

говорили служащие советской канцелярии и проговаривались порой знавшие более меня сослуживцы...

Власть явно ускользала от Временного комитета Государственной думы, именем которого произведена была революция в стране. Правда, одна за другою в Таврический дворец являлись воинские части изъявить под звуки оркестра покорность Думе, но еще за время следования этих частей на Шпалерную к ним присоединялись под видом народа и втирались в ряды опытные агитаторы, студенты и рабочие, восстановлявшие солдат против господской помещичьей Думы, которая не склонна будет наделить крестьян землею...

С момента получения известия об отречении императора депутации эти участились. В Таврическом дворце после приветственной "Марсельезы" к солдатам выходил обычно М. В. Родзянко и произносил краткую, ставшую потом трафаретною речь, где говорилось, что будущим устройством России и разрешением всех вопросов займется Учредительное Собрание, "а до тех пор никто, слышите ли, никто не вправе совершать никакого переустройства или передела!". Один раз при мне такая речь Родзянко была прервана восклицанием обращавшегося к солдатам депутата Чхеидзе⁷⁰: "А вы спросите-ка его, что он вам скажет насчет землицы-то, землицы!"...

В занимаемых воинскими караулами и "вооруженным народом" помещениях дворца обдиралась понемножку обивка с диванов и кресел, отвинчивались бронзовые дверные ручки и электрическая арматура. С первых же дней переворота в коридоре, примыкающем к кабинету председателя Государственной думы, появились офицеры и даже генералы с красными бантами и ленточками на груди, желавшие перейти на сторону революции. Значительная часть думских сторожей тоже надела эти ленточки; из курьеров же, насколько помню, ни один...

Среди колонн Екатерининского зала появилась масса столиков с большими плакатами, где "маркитантки революции" продавали соответствующие брошюры и принимали запись в члены той или иной группы и партии.

Все более и более распространяя сферу своего господства, совет рабочих и солдатских депутатов отбирал от Временного комитета Государственной думы комнату за комнатой. Число оставшихся на своем посту чиновников думской канцелярии становилось все меньше и меньше. То же самое следует сказать и о членах Государственной думы, которые под разными благовидными предлогами уклонились от борьбы и, как крысы, разбежались по своим норам.

References

- Ganelin R. Sh., Solov'eva Z. P. Vospominaniia T. Kirpichnikova kak istochnik po istorii Fevral'skikh revoliutsionnykh dnei 1917 g. v Petrograde. *Rabochii klass Rossii, ego soiuzniki i politicheskie protivniki v 1917 godu: sb. nauch. tr.* Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 178–195. (In Russian)
- Hasegawa T. *The February Revolution, Petrograd, 1917. The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power.* Leiden, Brill Academic, 2017, 711 p.
- Lavrov A. V. Avtobiografii A. A. Kondrat'eva. *Lavrov A. V. Simvolisty i drugie: Stat'i. Razyskaniia. Publikatsii.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, pp. 536–550. (In Russian)

⁷⁰ Чхеидзе Николай (Карло) Семенович (1864–1926) был видным грузинским социал-демократом (меньшевиком), депутатом 3-й и 4-й Государственных дум от Тифлисской губернии, возглавлял (объединенную) социал-демократическую фракцию в 4-й Думе. 27 февраля 1917 г. вошел в состав Временного комитета Государственной думы и Временного исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов и был избран его председателем (оставался на этом посту до 31 августа 1917 г.). О его изобилующей революционным жаргоном лексике и насмешливо-издевательских замечаниях в адрес М. В. Родзянко и других «цензовиков» см.: Hasegawa T. *The February Revolution, Petrograd, 1917.* P. 570; Lyandres S. *The Fall of Tsarism.* P. 156–163.

- Lyandres S. On the Problem of “Indecisiveness” Among the Duma Leaders During the February Revolution: The Imperial Decree of Prorogation and Decision to Convene the Private Meeting of 27 February 1917. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 1997, vol. 24, no. 1–2, pp. 115–129.
- Lyandres S. Conspiracy and Ambition in Russian Politics before the February Revolution of 1917: The Case of Prince Georgii Evgen'evich Lvov. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2015, vol. 8, pp. 99–133.
- Lyandres S. M. M. V. Rodzianko i ego okruzenie. K voprosu o sovetnikakh i sotrudnikakh poslednego predsedatelia Gosudarstvennoi Dumy. *Tavricheskie chteniia 2019. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriia i sovremennost'*, pt. 2. St Petersburg, Asterion Publ., 2020, pp. 147–151. (In Russian)
- Lyandres S. *The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution*. Oxford, Oxford University Press, 2014, 352 p.
- Lyandres S., Nikolaev A. B. Contemporary Russian Scholarship on the February Revolution in Petrograd: Some Centenary Observations. *Revolutionary Russia: The Journal of the Study Group on the Russian Revolution*, 2017, vol. 30, no. 2, pp. 158–181.
- Lyandres S., Nikolaev A. B. Post-Soviet Russian Historiography of the February Revolution. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2016, vol. 9, pp. 106–132.
- Nikolaev A. B. *Dumskaia revoliutsiia: 27 fevralia — 3 marta 1917 g.* St Petersburg, RGPU im. A. I. Gertsena Press, 2017, vol. 1, 592 p.; vol. 2, 447 p. (In Russian)
- Nikolaev A. B. Politicheskaia sistema v Rossii v marte — oktjabre 1917 g.: osnovnye cherty i etapy istorii. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2019, vol. 12, pp. 97–146. (In Russian)
- Nikolaev A. B. *Revoliutsiia i vlast': IV Gosudarstvennaia дума. 27 fevralia — 3 marta 1917 g.* St Petersburg, RGPU im. A. I. Gertsena Press, 2005, 695 p. (In Russian)
- Sadykov V. Poslednii predsedatel' Gosudarstvennoi Dumy. *Arkhiv russkoi revoliutsii*, Berlin, 1926, vol. XVII, pp. 9–18. (In Russian)
- Struve G. Aleksandr Kondrat'ev po neizdannym pis'mam. *Annali. Sezione Slava*. Napoli, 1969, vol. XII, pp. 28–29. (In Russian)
- Timenchik R. D. Predislovie [Pis'ma A. A. Kondrat'eva k Bloku (1903–1912)]. *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia*. Moscow, 1980, pp. 552–562 (Ser.: Literaturnoe nasledstvo, t. 92, kn. 1). (In Russian)
- Toporov V. N. *Neomifologizm v russkoi literature nachala XX veka. Roman A. A. Kondrat'eva “Na beregakh Iaryni”* Trento, Edizioni Publ., 1990, 328 p. (In Russian)
- Vitenberg B. M. Ia. V. Glinka i ego dnevnik. *Glinka Ia. V. Odinnadtsat' let v Gosudarstvennoi dume. 1906–1917: Dnevnik i vospominaniia*. Moscow, NLO Publ., 2001, pp. 27–29. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 4 июня 2022 г.

Рекомендована к печати 10 сентября 2022 г.

Received: June 4, 2022

Accepted: September 10, 2022